

Ленинские премии

6 ноября 1956 года, в канун празднования годовщины Октябрьской революции, учредили Ленинские премии за достижения в науке, технике, культуре, литературе. Собственно, их не учредили заново, а, как записано в решении Президиума ЦК, восстановили.

Дело в том, что Ленинские премии придумали еще в 1925 году, и присуждались они в последующие десять лет, вплоть до 1935 года. В 1935 году Сталин не вернул посланный ему на утверждение список очередных ленинских лауреатов. Напомнить ему никто не решился. На следующий год все повторилось.

Вскоре ситуация прояснилась, в декабре 1939 года, к своему 60-летию Иосиф Виссарионович решил установить Сталинские премии. Формальное решение Совет Народных Комиссаров принял 1 февраля 1940 года. Ленинские премии не отменили – о них как бы забыли. А теперь вот вспомнили. Впервые о них на заседании Президиума ЦК 5 ноября 1955 года заговорил Микоян: «Сталинские премии есть, а Ленинских нет. Никто не ставит вопроса, но надо подумать». Микояна поддержал Ворошилов. Но дело дальше не пошло, в преддверии XX съезда головы членов Президиума ЦК занимали другие проблемы. В марте 1956 года вновь заговорили о Ленинских премиях, уже по инициативе Хрущева. Решили подготовить соответствующее решение.

Помню, как отец тогда возмущался нескромностью Сталина, учредившего премии собственного имени и забывшего о Ленине. Много тогда говорили и о пагубности многократных присуждений Сталиным «своих» премий особенно полюбившимся ему писателям и композиторам, таким, как Симонов, Шостакович или Сергей Михалков. Почему-то это у всех вызывало раздражение, а возможно, и попросту зависть. Поветрие не миновало и отца. 5 июля 1956 года при обсуждении Президиумом ЦК положения о Ленинских премиях он предложил присуждать их не ежегодно, а раз в три года, и только однократно, за исключительно эпохальные достижения. Все согласились. Вот только не определили, как заранее отличить эпохальные достижения от не совсем эпохальных. В первые годы особых трудностей не возникало, правда, отца уговорили отказаться от трехлетнего цикла, очень уж многим, весьма достойным людям не терпелось получить новое звание. Премии стали присуждать ежегодно.

Вскоре выяснилось, что награжденные Ленинской премией однажды совершили еще нечто достойное вторичного награждения. Талантливые люди обычно не останавливаются на достигнутом: конструкторы создают новые машины, художники – новые полотна, композиторы – новые оперы и симфонии. Однако отец пересматривать Положение о премиях отказался, и тут вспомнили о Сталинских премиях. Их тоже никто не отменял, но новые Сталинские премии не присуждались, а после XX съезда, несмотря на призыв отца «Носить заслуженно полученные награды с гордостью...», медали с ликом Сталина люди надевать стеснялись.

В 1961 году Сталинские премии переименовали в Государственные и возобновили их присуждение, и не однократное, а без ограничений, в том числе и ленинским лауреатам.

День за днем

1 сентября на дневных отделениях высших учебных заведений СССР приступили к занятиям 222 тысячи 400 первокурсников.

6 сентября в Ленинграде и 8 сентября в Москве выступает Бостонский симфонический оркестр из США. В программе Бетховен и Гайдн, а так же

абсолютно неизвестные нам американские композиторы Пистон и Крестон. Дирижируют оркестром попеременно Чарльз Мюнш и Пьер Монте.

Вслед за Бостонским оркестром в Москву приезжает американский певец Жан Пирс.

Одновременно в заграничные турне отправляются советские музыканты: пианист Эмиль Гилельс, скрипач Давид Ойстрах, виолончелист Мстислав Ростропович.

8 сентября решили повысить минимальную зарплату до 300–500 рублей в месяц в зависимости от отрасли промышленности и одновременно увеличили, необлагаемый налогами минимальный доход с 250 до 370 рублей в месяц. Все это крохи, но больше не получалось. Тем же постановлением отменили и налог на малоимущих холостяков. Сталин ввел его 21 ноября 1941 года с целью стимулировать рождаемость. Он считал, что неженатые мужчины, бездетные женщины детородного возраста, семьи, где мало детей, как бы уклоняются от исполнения своих «производительных» обязанностей перед обществом и должны за это расплачиваться. Я сам, будучи студентом, платил «холостяцкий» налог со своей стипендии.

Повышение зарплаты, отмена налогов сокращали поступление в бюджет. Министерство финансов роптало. Отец понимал их проблемы, дело финансистов сводить расходы с доходами, радея за увеличение последних. Но и о людях не следует забывать, помнить, что бюджет – для людей, а не люди для бюджета. Вот и приходилось постоянно балансировать, скрупулезно выверять соотношение расходов и доходов. Не дай бог, если денежные выплаты «пустыми» необеспеченными рублями превысят объем выпуска потребительских товаров – того, что лежит на магазинных полках. «Лишние» деньги в одночасье опустошат прилавки, придется вводить карточки, как уже не раз случалось в прошлом. Отец делал все, чтобы прошлое не повторилось.

13 сентября 1956 года в Москве, в помещении Малого театра, пьесой Мольера «Дон Жуан» открываются гастролы Парижского Национального народного театра.

В сентябрьском номере журнала «Юность» напечатали первую повесть любимого мною писателя Анатолия Тихоновича Гладилина «Хроника времен Виктора Подгурского».

22 сентября в Московском Большом зале консерватории свой первый концерт дает Лондонский симфонический оркестр.

15 октября в Москве, а с 18 октября и в Ленинграде открывается фестиваль итальянского кино.

27 октября 1956 года в «Правде» появилось сообщение ТАСС: «В залах Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открылась выставка произведений художника Пабло Пикассо, посвященная его 75-летию со дня рождения. На открытие ее собрались деятели культуры и искусства столицы...» Далее перечислялось, кто пришел, кто выступал.

По тем временам выставка Пикассо – событие неординарное. Еще в 1936 году Сталин приказал «изъять из экспозиций Третьяковской галереи и Русского музея (а значит, и всех остальных музеев), произведения формалистического и грубо натуралистического характера». В число нехороших художников попал даже Врубель, не говоря уже об импрессионистах и кубистах. Их картины на долгие годы сослали

в запасники. После войны, в 1948 году, по предложению Ворошилова и с согласия Суслова, в рамках кампании борьбы с космополитизмом закрыли Государственный музей нового западного искусства «как вредный и ненужный рассадник формалистических взглядов и низкопоклонства перед упаднической буржуазной культурой». Гонениям подверглось не только современное, но и за некоторым исключением вообще западное искусство.

В 1950 году Пушкинский музей превратили в постоянно действующую выставку подарков Сталину.

Возрождение началось с восстановления весной 1953 года нормальной экспозиции в Пушкинском музее, а во второй половине года в залах Академии художеств открылась первая за многие годы зарубежная экспозиция: «Выставка финского изобразительного искусства», за ней последовало «Искусство Индии». Через пять лет на них никто бы и внимания не обратил, а тогда люди выстраивались в очереди, чтобы глянуть на заграничные картины и скульптуры. Во избежание столпотворения посетителей пускали строго дозированными порциями.

Однако по-настоящему широко ворота перед западным, традиционным и авангардным искусством открылись в 1955 году. Вслед за демонстрацией сокровищ Дрезденской галереи 5 мая 1955 года прошла выставка французского искусства XV–XX веков из собраний музеев СССР. На ней представили работы импрессионистов и постимпрессионистов из фондов закрытого Ворошиловым музея Западного искусства.

В 1956 году, кроме выставки работ Пикассо, прошли: 26 марта – 8 мая «Выставка английского искусства» из 513 экспонатов, с 26 мая по 25 июля «Выставка произведений Рембрандта» (430 картин), 18 августа – 4 октября – «Французская живопись XIX века», 16 октября – 12 ноября – «Японское искусство», 24 октября – 12 ноября – «От Менье до Пермеке», выставка «Бельгийского искусства конца XIX–XX веков, в ноябре – «Офорты Фрэнка Бренгивина», в декабре «Западно-европейская гравюра XVI–XX веков», 10 декабря в Третьяковской галерее впервые за долгие годы открылась выставка картин Врубеля, приуроченная к столетию со дня его рождения.

Выставка Пикассо проработала в Москве до 12 ноября. Затем она переехала в Ленинградский Эрмитаж. Сам художник в СССР так и не приехал, хотя его и очень звали, но и без него необычное и непривычное искусство автора, известного в СССР только своей «Голубкой мира», произвело фурор. Одни искренне восхищались, другие – столь же искренне возмущались, третьи – восхищались но только для вида, чтобы не казаться ретроградами, четвертые недоумевали.

Для примера приведу две записи из книги отзывов Эрмитажа. «После осмотра подобной выставки, ощущаешь себя туземцем, попавшим с необитаемого острова на материк...» – записал «аноним».

«Что можно здесь сказать? / Картины я смотрел, / Затем в изнеможении присел, / Почувствовал, что так опикассел, / Что и сейчас мне верится с трудом, / Что это Эрмитаж – не сумасшедший дом». И подпись: «Зритель».

Мнения разные, но главное – люди увидели своими глазами то, что хотели увидеть, то, что им до сего времени не показывали.

С 18 ноября в СССР проходит неделя финского кино.

27 ноября 1956 года газеты опубликовали некролог Александру Петровичу Довженко, великому кинорежиссеру.

15 декабря 1956 года в Москве открылась декада литературы и искусства Эстонской ССР.

Декады придумали еще до войны: разные республики как бы ездили в гости друг к другу, похвалялись, чем могли, даже если хвалиться было и особенно нечем. У меня от декад сохранилось двойственное воспоминание. Когда приезжали представители близких по духу культур, в первую очередь украинцы, я рвался на их концерты и театральные представления, декада пролетала в миг. Если же объявлялась декада культуры далекой и непонятной, то ничего, кроме досады она у зрителей не вызывала. Под концерты и представления отводились лучшие залы, артисты лезли из кожи, только вот зрителей оказывалось – раз-два и обчелся.

В год Эстонской декады я учился в институте и волей судеб стал членом правления клуба МЭИ с отменным зрительным залом. Как-то в разгар зачетной лихорадки, в клубе назначили концерт Эстонского народного хора. Напомню, пели они на эстонском языке. Правление клуба отвечало за явку зрителей. И в середине семестра, в пору спокойную, загнать студентов на такой концерт – задача не из простых, а перед экзаменами... В зале не набиралось и дюжины зрителей, и те из актива клуба, пришедшие лишь из сострадания к его правлению. Выручила армия, военные строители, работавшие на дооборудовании лабораторного корпуса. Один звонок командиру батальона, и через полчаса зал быстро заполнился, в воздухе повис запах щедро смазанных дегтем сапог. Артисты исполнили все, что требовалось, но без особого огонька, зал реагировал в соответствии с командами старшин, правильно реагировал. По окончании концерта артисты на автобусе отправились в гостиницу, зрителей повели строем домой, в казарму, а мы записали в клубном журнале: «Мероприятие прошло успешно, при полном зале». Во время декад солдаты становились настоящей палочкой-выручалочкой.

Несмотря на все накладки и глупости, я бы отнес декады к явлениям положительным, пусть из-под палки, но люди хоть как-то узнавали друг друга.

17 декабря 1956 года на гастроли в Москву приехал французский шансонье Ив Монтан. Он и его жена, актриса Симона Синьоре, стали сенсацией, концертные залы ломались от публики, симпатичного Монтана и красавицу Синьоре наперебой приглашали в гости. Режиссеру Московского театра кукол Сергею Образцову, завоевавшему право повсюду сопровождать гостей, люто завидовали, а писатель Владимир Поляков, основатель Московского театра миниатюр, даже сочинил по этому случаю поэму. Ею зачитывались, ее цитировали. Мне до сих пор помнится из нее пара строк: «И вместо он мерси боку (merci beaucoeur) промолвил вдруг мерси, Тбилиси». Поясню: Образцов, якобы, запоминал «боку – (beaucoeur) по созвучию с Баку, а потом перепутал его с Тбилиси.

Не устоял против всеобщей лихорадки и отец. 26 декабря они вместе с Микояном и Булганиным слушали французского шансонье в зале Чайковского, а затем Ива Монтана с супругой пригласили в Кремль на Новогодний прием, где он затмил самого Хрущева.

Монтану внимание публики льстило, на то он и артист, но далеко не все ему в Москве нравилось, а кое-что просто удивляло, в частности, дамское нижнее белье – сиреневые байковые подштанники, массивные

белые полотняные бюстгальтеры. Он скупал в московских магазинах все эти диковины, а по возвращении в Париж устроил показ московской интимной моды, чем оскорбил своих российских почитателей снизу доверху. Они его так... а он их...

Советская власть Ива Монтана через несколько лет простила, а вот титул «кумира московской публики» он утратил навсегда, особенно у женщин. С бюстгальтерами не шутят.

Как обычно, год завершался рапортами о сдаче в эксплуатацию новых объектов. Мне запомнилось сообщение от 24 ноября о вводе в строй Красноярского алюминиевого комбината. 24 декабря строители доложили о завершении сооружения газопровода из Ставрополя Куйбышевской области до Москвы.